

**ВОСЬМОЙ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ**

МАПРЯЛ 2002

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК
ИНОСТРАННОГО В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

**Болгария
Велико-Тырново
4-7 апреля 2002 г.**

была в легком розовом платице. Наблюдения над русским языком показывают, что вариативные конструкции с нерелевантными различиями превращаются в дублиеты. Дублиеты же могут служить источником возникновения контаминаций, в ряде случаев нарушающих элементарные границы морфологических реляций, в том числе и глагольного управления. Аналогичная вариативность существует и в болгарском языке, но поскольку в нем падежных форм не существует, контаминированных формаций не возникает. Другими словами, процесс заканчивается на стадии возникновения дублиетов. В этом заключается существенное различие между сравниваемыми языками. Но есть и общий момент – в обоих языках вариативность конструкций приводит к возникновению дублиетов, а дублиеты практически не конкурируют и не вытесняют друг друга, они являются неким предусловием конкуренции, для возникновения которой нужны дополнительные условия и предпосылки.

Вряд ли необходимо доказывать, что описанные здесь факты представляют собой лишь незначительную часть материала, показывающего ту широко развернутую конкуренцию грамматических форм, которая вызывает заметные даже невооруженным глазом вибрации в системах русского и болгарского языков. Подобные вибрации являются одним из интереснейших объектов наблюдения с типологической точки зрения, поскольку именно вибрирующие звенья системы подготавливают постепенно и почти незаметно ее принципиальные изменения и переходы в новые качественные состояния.

ЛИТЕРАТУРА

- Димитрова С. Событие как категория текста (на материале современного болгарского языка). Proceedings of the XIV-th International Congress of Linguistics, Berlin, 1987, III: 2041-2044.
 Димитрова С. Езиковата ситуация в България след II световна война. Jezyki slowianskie wobec wspolczesnych przemian w krajach Europy Srodkowej i Wschodniej, Opole, 1993 : 253-259.
 Димитрова С. Исключения в русском языке. Slavica Publishers, Inc. Columbus, Ohio, 1994.
 Иванчев Св. Българският език – класически и екзотичен. София, 1988.
 Кузнецов П.С. О принципах изучения грамматики. Москва, 1961.
 Леков Ив. Характер на дискуссионните въпроси в сравнителната граматика на славянските езици // СлФ, София, 1963 : 35-50.
 Маслов Ю.С. Граматика на българския език (превод от руски Бл. Блажев). София, 1982.
 Оливернус Зд. Морфемный анализ современного русского языка. Universita Karlova, Praha, 1967.
 Пашов П. Практическа българска граматика. София, 1994.

ДОМИНАНТЫ РУССКОГО ЯЗЫКА XX СТОЛЕТИЯ

Бранко Тошович (Австрия)

0. XX век русского языка является самым сложным и самым разнообразным столетием в его истории. События, которые произошли в это время, потрясли Россию и имели планетарный отклик и значение. Метафорически выражаясь, это столетие было веком белого кипения и красного каления.

1. Для того, чтобы выделить господствующие элементы в русском языке XX века, необходимо рассмотреть основные фазы его развития, а затем выявить общие критерии, на основании которых можно искать и находить доминанты. Первую задачу мы решили так, что разделили русский язык на дореволюционный период, советский период, период перестройки и постсоветский период. В рамках советского периода выделяются революционный и постреволюционный периоды, военный период, послевоенный период, период оттепели и период застоя.¹ В этом анализе главное внимание уделяется новым словам, которые появились в указанные периоды. Материалом для исследования послужили словари Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова/Н. Ю. Шведовой, Г. Н. Складневской и словарные материалы, печатавшиеся в 70-90-ые годы.

2. Работа над выявлением доминант является теоретической и практической. Теоретическая часть охватывает анализ общих аспектов доминанты как научного понятия, ее основных разновидностей и особенностей. Практическая часть состоит в применении теоретических положений на определенный язык (в данном случае русский). Различные подходы порождают различные типы доминант. Основой для их выделения может явиться интуиция, опыт, конкретные исследования и т.п.²

3. На самом общем уровне мы выделяем три основных типа доминант: реальные (онтологические, денотативные), концептуальные (понятийные, гносеологические, сингификативные) и языковые (выразительные, номинативные, формальные). Реальные выявляют философы, историки, социологи, обществоведы, концептуальные преимущественно логики и психологи, а языковые лингвисты. В рамках языковых доминант существуют два типа: интралингвистические и экстралингвистические. Интралингвистическими доминантами являются те феномены, которые имеют самый глобальный характер и которые охватывают все (или почти все) то, что существует в структуре языка. Такими, на наш взгляд, являются форма, значение, функция и категория. Напр., можно говорить о доминации существительного над прилагательным, глагола над наречием, сказуемого над дополнением, главного предложения над придаточным и т.п. Экстралингвистическими доминантами языка являются те языковые единицы, которые занимают господствующую

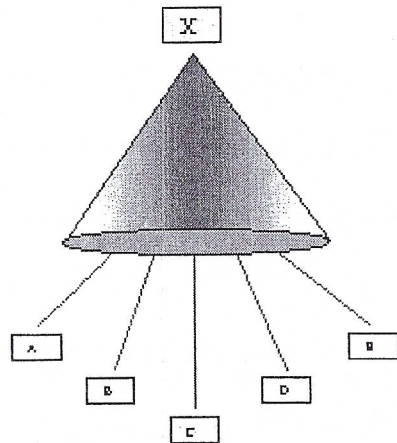
¹ Основные характеристики этих периодов представлены в [Тошович, 2002].

² Поиск доминант напоминает конкурсы красоты, в которых переплетаются интуитивные, количественные и аналитические параметры.

позицию в корреляции язык - время, язык - пространство, язык - человек и язык - общество. Сюда относятся временные, пространственные, антропологические и социальные доминанты. Временные или темпоральные доминанты – это господствующие элементы в определенных временных отрезках. Такими доминантами являются провозглашенные в некоторых странах слова года (века) или самые плохие слова года (века).³ Антропономические доминанты представляют собой господствующие языковые элементы в говорящем, личности, индивиде. Социальные доминанты подразумевают наличие господствующих слов в определенном социуме. Пространственные доминанты являются господствующими элементами на определенной территории (республиканские, областные, районные, городские, сельские и т.д. доминанты).

4. Слово *доминанта* отличается от *ключевого слова* тем, что *доминанта* является более широким и более комплексным. *Ключевое слово* относится только к одному плану – лексическому, в то время как *доминанта* охватывает все без исключения языковые уровни. Так можно говорить о фонетических/фонологических, лексических, фразеологических, словообразовательных, морфологических, синтаксических и текстуальных доминантах.

5. При выявлении доминант проводится анализ в форме конусирования, т.е. превращения множества в узкие пучки и(ли) сведение его членов, в конечном счете, к последнему. Основная цель – дойти до вершины конуса, т.е. до доминанты. Основание конуса составляют элементы, выбранные для рассмотрения. Например, при поиске доминанты в лексической системе в фундаменте конуса сосредоточены все слова данного языка. Поверхность конуса состоит из кандидатов, претендентов на роль доминанты. В вершине находится сама доминанта.

³ Так, Общество немецкого языка составило список слов XX века, куда в частности относится *Autobahn, Beat, Dritte Welt, Drogen, Eiserner Vorhang, Emanzipation, Energiekrise, Faschismus, Fernsehen, FlieYband, Freizeit, Fundamentalismus, Gen, Globalisierung, Holocaust, Kommunikation, Konzentrationslager, Kreditkarte, Kugelschreiber, Massenmedien, Mondlandung, Pille, Planwirtschaft*. В этом списке оказались и два русских слова: *Oktobrevolution* и *Perestrojka* [PC-Bibliothek, 1999].

6. Конусирование может быть полным и частичным. Полное достигает вершины и выделяет только одну доминанту. Частичное конусирование не доходит до конечной точки и имеет форму усеченного конуса. В нем выделяется несколько доминант. Существует также фазовое и взрывное конусирование. Первое используется в открытых системах, т.е. в множествах с большим количеством элементов (напр., в лексике). Второе является пригодным для закрытых систем (напр., частей речи). Выделяется также гомогенное и гетерогенное конусирование. Гомогенное возникает на уровне только формы, только значения, только функции или только категории. В гетерогенном конусировании выделяются доминанты в форме, выступающей в определенной функции, в категории, выражающей определенное значение, в функции, выполняемой определенной формой и т.д. Конусирование, доведенное до конца, является „смелым“, в то время как, которое заканчивается на определенном этапе (иногда на полпути), в форме усеченного конуса, – „куцом“ или „малодушным“. Если, например, выделяется в качестве доминанты XX века только одно слово, напр., *революция*, речь идет о „смелом конусировании“. В случае выявления не одного, а целого ряда элементов (скажем в XX веке слов *коммунизм, большевик, революция* или *война*), возникает „кущее конусирование“. Первое является очень рискованным. Одним из самых ярких примеров спорного конусирования представляет собой стадийное учение Н. Я. Марра и сведение всех слов к четырем элементам – САЛ, БЕР, ЙОН, РОШ. „Кущее конусирование“ более безобидно, и поэтому более привлекательно.

7. Существует ряд попыток найти базовые, универсальные элементы, т.е. те, над которым нет иерархически более высоких. Таких специалистов мы называем лингвоглобализаторами. Одни из них выделяют прототипы (Роберт М. В. Диксон, Анна Вежбицкая), другие различают основные лексические функции (А. К. Жолковский, И. А. Мельчук), третьи говорят об элементарных семантических признаках и примитивах-кварках (Ю. Д. Апресян), четвертые сосредотачиваются на предикаторах (Ю. С. Степанов), пятые ищут базовые слова и ступенчатые идентификаторы (Э. В. Кузнецова).

8. Через конус пропускаются слова в целях их обобщения, объединения и(ли) сгущения в как можно минимальное множество или только в одну точку – конечный пункт, верх конуса. На его вход попадают все слова, а выходит категория, концепт, функция, база, концентрат (сверток), общий параметр или же только одна единица, в данном случае доминанта. Мы выделяем восемь таких конических процедур: категоризацию, концептуализацию, функционализацию, идентификацию, полисемантизацию, квантификацию, концентрацию и финализацию. Все типы конусирования, за исключением последнего, являются „малодушными“. (а) Категоризация представляет собой коническую процедуру, в которой слова сводятся к элементарным онтологическим (философско-логическим) категориям. Так, Аристотель выделяет десять категорий: сущность (субстанция), количество, качество, отношение, место, время, положение, состояние, действие, страдание [Аристотель, 1976]. (б) В концептуализации выявляются концепты в поисках примитивов. Концептуализация тесно связана с категоризацией, но они отличаются тем, что концептуализация направлена на выделе-

ние минимальных единиц человеческого опыта в их содержательном представлении, а категоризация является объединением в более широкие категории единиц, проявляющих подобие или тождество [Кубрякова, 1996, с. 93]. (3) Функционализация стремится определить общую функциональную нагрузку слов и выделить глобальные функции. (в) В идентификации слова последовательно сводятся к все более узкому кругу идентификаторов – слов с самыми общими признаками. Сторонником такого конусирования является Уральская глагольная группа, возглавляемая Э. В. Кузнецовой. Она обосновала метод ступенчатой идентификации (Кузнецова 1969), в котором объединяются лексемы одной и той же части речи на основе общего семантического признака. На первом этапе определяется круг слов-идентификаторов (так, в группе 250 глаголов обладания выделено 94 инвариантных глагола). Следующий шаг – определение идентификаторов для самих идентификаторов (в анализе 2 5000 глаголов выделено 140 идентификаторов). (г) Полисемантизация преследует цель создать коническую структуру многозначности. Ее конус заканчивается самым многозначным словом. Среди глаголов русского языка таким является *идти* (в [Ожегов, Шведова, 1993] отмечено 26 значений). Следуют *принять* (18 значений), *поднять* (17), *пройти* (16), *ставить* (15), *стоять* (14), *брать* (14), *выйти* (12), *оставить* (11), *смотреть* (11), *уйти* (11), *дать* (10), *держать* (10), *держаться* (10), *жить* (10) и т.д. (д) Квантификация направлена на то, чтобы в конце конуса оказался самое частотное слово. В русском языке самым частотным глаголом является *быть* [Засорина, 1977]. За ним следуют *мочь*, *сказать*, *говорить*, *знать*, *стать*, *видеть*, *хотеть* и *думать*. (е) В концентрации происходит коническое сгущение слов в семантические сплавы и интегративы (интеграционные целые). Удачным результатом такого подхода является диатеза (интеграция синтаксической позиции и семантического актанта), хронотоп (одновременное выражение временной и пространственной локализации), шифтер (соотнесенность сообщения и речевого акта), таксис (объединение главного и второстепенного действия) и т.п. (ж) Финализация стремится найти последнее, конечное слово. Концептуальную финализацию глаголов Анна Вежбицкая проводит в двух этапах: сначала она выбирает два канонических образца, которые взаимно отличаются и которые можно найти во всех языках – это ДЕЛАТЬ и СЛУЧАТЬСЯ, а потом определяется один единый прототипический ‘глагол’ – ДЕЛАТЬ [Вежбицкая, 1999, с. 145]. (з) По нашему мнению, в вершине конуса находится глагол *менять*. И если насчет крылатого выражения „В начале было слово“ нельзя сказать, к какому конкретному слову относится, в семантическом конусировании глагола можно предположить, что она финализируется глаголом *менять*. Таким образом, различные способы сужения семантики глаголов дали различные конусные глаголы: в концептуализации это *делать*, в концентрации *менять*, в полисемантизации *идти*, а в квантификации *быть*.

9. Следующий важный вопрос – доминанта как отношение. В нем почти всегда проявляется параметр господства одной единицы на другой (другими). Доминанта является особым типом отношения между как минимум двумя интракатегориальными единицами, одна из которой является

неравноправной. В доминанте по-разному переплетаются корреляционные параметры. Мы выделяем 21 такой параметр: 1. аксеологичность, 2. димензиональность, 3. динамичность, 4. дисциплинарность, 5. эксплицитность, 6. нормативность (эталонность), 7. иерархизированность, 8. гомогенность, 9. комплексность, 10. контактность, 11. контрастность, 12. количественность, 13. модулятивность, 14. облигаторность, 15. операциональность, 16. реальность, 17. сегментарность, 18. стратификационность, 19. направленность, 20. зависимость, 21. доминантность. Языковая доминанта – это аксеологическая категория, так как она ориентирована на оценку, т.е. языковые доминанты являются результатом аналитического поиска, объективного и(ли) субъективного характера. Доминанты выделяются в двух основных плоскостях: а) в парадигматике и синтагматике. Различаются динамические и статические, активные и пассивные доминанты. В каждой области деятельности и научной дисциплине существуют определенные доминанты. Они могут быть явно выражены или быть скрытыми, поэтому можно выделить эксплицитные и имплицитные доминанты. Дифференциация по параметру „нормативность“ ведет к выделению нормативных и ненормативных доминант. Что касается иерархизированности, природа самой иерархии предопределяет наличие доминант в системе. Доминанта является гомогенным отношением, так как неравенство образуют единицы одного и того же класса. Можно выделить конкретные и отвлеченные доминанты. Параметр „контактность“ является нерелевантным для толкования корреляционной природы доминант. Нередко доминанты имеют контрастный характер, напр., пары типа *красные* – *белые*, *свое* – *чужое*, *здесь* – *там*, *левые* – *правые*. Доминанта возникает по закону воронки: в ней ограничивается разнообразие и сводится к минимальному набору элементов или только к одному. Увеличением числа элементов увеличивается неопределенность доминанты, т.е. ее энтропия. Максимальную энтропию порождает лексика, минимальную словообразовательная и морфологическая система. Кроме того, существуют две глобальные разновидности доминанты: количественная и качественная. Количественная доминанта представляет собой единицу, которая больше всего или чаще всего используется в языке. Такой единицей является самое частотное слово. Качественная доминанта базируется на каком-либо свойстве, которое выделяет данную единицу среди других (напр., использование слова *красный* в течение почти всего XX века делает из него доминанту по признаку продолжительности существования). Если исключить реальные (онтологические) метафоры, можно сказать, что все другие являются модулятивными. Доминантами часто становятся единицы, которые навязываются обществу и считаются облигаторными. Так, в XX веке тоталитарный режим поощрял употребление определенных языковых средств и выражений. Самым типичным примером является цитирование в начале дипломных, кандидатских, докторских работ, монографий и т.д., т.е. ссылка на К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, И.В. Сталина, Л.И. Брежнева и т.п. Языковые доминанты возникают применением определенных операций, среди которых мы в первый план выдвигаем конусирование. Основное разграничение по параметру „реальность“ дает объективные и субъективные доминанты. Объективными доминантами являются реальные, существующие доминанты, т.е. феномены, независи-

мые от наблюдателя, перспективы, времени и т.п., в то время как любое научное выделение доминанты имеет определенную долю субъективизма. Существуют доминанты целого и доминанты части. Так, доминантой XX столетия, как одного целого, можно считать *коммунизм, социализм, красный, война, революция*, а доминантой частей данного века *самодержавие* (дореволюционный период), *дума* (начало и конец столетия), *кулак* (период 20-х и 30-х годов), *развитой социализм* (период застоя), *перестройка* (период 1985-1991). Некоторые из них образуют доминанту в форме андиплоза (повторение в начале и в конце одного периода). Такими являются „слова-возвращенцы“, т.е. слова, вставшие из мертвых, типа *губерния, губернатор, господа*. Каждый языковой уровень (фонетический, фонологический, лексический, морфологический, морфологический, синтаксический и др.) имеет определенные доминанты. Так как доминанта возникает в системе, в которой все единицы взаимно соотносятся, многонаправленность является характеристикой доминант. Двухнаправленное отношение выступают в контрастных парах типа *мы – вы*. Если доминанту толковать как зависимость, можно сказать, что между доминантами могут отсутствовать зависимые отношения (например, между словом *большевик* и *война*), но суть любой доминанты – неравноправие. Все что существует в языке, сводится, в принципе, к четырем доминантам: к форме, значению, категории и функции. Эти доминанты образуют два вида отношений: гомогенные и гетерогенные. В гомогенных отношениях соотносится форма с формой, значение со значением, категория с категорией, функция с функцией. Гетерогенные отношения возникают в связи формы и значения, формы и категории, формы и функции, значения и категории, значения и функции, категории и функции.

10. Формальные доминанты. Под формальными доминантами подразумеваются уровневые господствующие единицы, какими являются 1. фонетико-фонологические, 2. лексические, 3. фразеологические, 4. словообразовательные, 5. морфологические, 6. синтаксические, 7. текстуральные и др. Так как для их выявления следует провести очень широкое и комплексное исследование, в дальнейшем слово *доминанта* не подразумевает подтвержденную господствующую единицу, а самого серьезного кандидата, претендента на это название.

Главными претендентами на роль доминанты XX века в рамках лексических пластов являются: а) нейтральные слова *хлеб, молоко, колбаса, очередь, прописка, метро, водка, продукты*, (при выявлении таких доминант могут быть полезными частотные словари), б) разговорные слова *авоська, жвачка*, в) историзмы *губерния, дума, гимназия*, г) архаизмы: *господин, госпожа, господа*, д) термины *атомный, информация, компьютер, космос*, д) антонимы *свой – чужой*; е) синонимы *коммунизм, социализм; советский, настоящий*; „Правда“ (газета), *правда*. Кандидатами в доминанты лексических парадигм являются топонимы *Лубянка, Ленинград, Сталинград*, названия зданий „Зимний“, *Кремль, Ленинка* (библиотека), транспортных средств *метро, „Аврора“*, политические имена *Николай Второй, Ленин, Сталин, Хрущев, Брежнев, Горбачев, Ельцин*. К словообразовательным доминантам можно отнести аббревиатуры и ска-

зать, что XX век был столетием аббревиатур типа *КТБ, СНГ* и сложных слов *компартия, комсомол* и т.п. Что касается частей речи, XX столетие было веком существительного *революция*, прилагательного *красный*, местоимения *мы*, числительного *миллион*, глагола *менять*, наречия *вперед*, предлога *в*, союза *и*, частицы *авось*, междометия *ура!* В категории имен существительных это был век дежурного именительного (*революция*), патетического родительного (партия *Ленина*), виртуального дательного (Идем к *коммунизму*.), лозунгового винительного (*Даешь перестройку!*), демагогического звательного (*Братья и сестры!*), мнимого творительного (*со Сталиным*), утопического предложного (*в светлом будущем*). В глагольной системе особое место имело перфектное значение (*Дошли*); XX век был веком иллюзионного будущего (*Построим коммунизм!*), веком императива типа *Вставай* (*страна огромная!*), особенно коллективного императива (*Даем сверх плана!*). В категории прилагательных выделяются эпитеты могущества *огромная* (страна), *великий* (Ленин) и компаративы счастья (*С каждым днем все радостнее жить!*). На синтаксическом уровне кандидатами в доминанты можно считать а) словосочетания *революция снизу (сверху), красные похороны, красный террор, Кровавое воскресенье, стальные ежовые рукавицы, Его Императорское Величество, Единая и неделимая Россия* (имперская логика), *День Победы!*, б) предложения-лозунги *Меньшиновство подчиняется большинству. – Боже, Царя храни! – Долой царизм! – Долой самодержавие! – Долой войну! – Вся власть советам! – Зимний пал! – Революция свершилась! (Ленин). – Кто не работает, тот не есть. – Родина-мать зовет. – Клянемся мстить фашистским захватчикам. – Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами* (программные слова на дни войны). – *Воин Красной армии – СПАСИ! – Внимание! Говорит Москва! Передаем важное правительственное сообщение. Граждане и гражданки Советского Союза! – Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота!* Текстовыми (текстуальными) доминантами являются прецедентные высказывания и тексты [Гудков, 1999] типа *Боже, царя храни!* (гимн) – *Варшавянка, – Марсельез, – Интернационал, – Мой адрес – Советский Союз, – На безымянной высоте, – Если бы парни всей земли, – День Победы, У природы нет плохой погоды, – Последняя электричка, – Миллион алых роз*. И, наконец, существуют стилистические доминанты, куда относятся доминанты-экспрессивы, метафоры (*столыпинские галстуки, петля Горбачева*), антономазии (*хрущобы*). XX век можно назвать веком анэпифоры, андиплозы, контраста и оксюморона. Доминанты существуют в рамках различных функциональных стилях, поэтому можно говорить о литературно-художественной, публицистической, научной, официально-деловой и разговорной доминанте. Различные комплексы (письменная и устная речь, религиозная речь, речь военных и т.п.) также имеет свои доминанты. Это касается и подстилей, напр., рекламы или мемуарного стиля. Литературно-художественный стиль связывался с соцреализмом, научный стиль остерегался от стиля буржуазной науки, официально-деловой стиль предопределяла советская бюрократия, а публицистический – идеология. В разговорном стиле отпечаток создавало табу (*Не болтай! Будь зорким!*). Социальные доминанты обозначают господствующие слова в

определенном типе социального расслоения языка (в жаргоне, сленге, тайном языке, блатном языке, стебе и т.п.). Доминанты можно выделить в речи женщин и мужчин. Наконец, существуют доминанты языка молодежи, взрослых, стариков, пенсионеров и т.п., т.е. господствующие слова в речи различных поколений.

11. Семантические доминанты. Анна Вежбицкая считает, что существует небольшое число „примитивов“, комбинацией которых можно описать лексический фонд всех языков [Вежбицкая, 1996; Вежбицкая, 1999]. Примитивы представляют собой минимальный словарь и минимальное сочетание всех синтаксических конструкций, необходимые для описания значения всех остальных лексических и грамматических средств данного языка. Анна Вежбицкая сводит все реальные значения на десяток семантических элементов, которые далее не определяют (типа 'хотеть', 'не хотеть', 'считать', 'делать') и выделяет 15 категорий, которые являются своеобразными семантическими доминантами: 1. Субстантивы, 2. Детерминаторы, 3. Кванторы, 4. Атрибуты, 5. Ментальные предикаты, 6. Речь, 7. Действия, События, Движение, 8. Существование и Владение, 9. Жизнь и Смерть, 10. Логические концепты, 11. Время, 12. Пространство, 13. Интенсификатор, Усилитель, 14. Таксономия, Патронимия, 15. Подобие [Вежбицкая, 1999, с. 140-141]. Другой тип семантических доминант выделяют А. К. Жолковский и И. А. Мельчук. Они считают, что в лексическом варьировании участвует небольшое количество смыслов, которые можно выделить в форме стандартных лексических функций – параметров. Это, по их мнению, „базовые“, „основные“ смыслы, образующие универсальный инвентарь грамматических и/или деривационных категорий для всех языков мира. К смыслам такого рода относятся 'очень' (≈ 'большой', т.е. **Magn**), 'хороший' (**Bon**), 'как нужно' (**Ver**), 'сделать' ≈ 'создать', 'порождать', 'сделать так, чтобы было' (**Caus**), 'начинать' (**Incep**), 'совершить' ≈ 'сохранить' (**Real**) и т.п., а также им противоположные, т.е. 'не очень', 'маленький' (**AntiMagn**), 'плохой' (**AntiBon**), 'уничтожить' (≈ 'сделать так, чтобы не было', т.е. **Liqu**), 'кончать(ся)' (**Fin**) и т.д. [Мельчук, 1999, с. 106].

12. Функциональные доминанты. Любой язык, в том числе и русский, выполняет различные интра- и экстралингвистические функции. Некоторые из них являются явными, другие – латентными. Первые легко распознаются и являются ожидаемыми, необходимыми, другие трудно распознаются и осуществляются непреднамеренно. Латентные функции стали господствующими в 90-е годы XX века в процессе обогащения одной социальной прослойки русского общества, которую стали называть новыми русскими. Для них было характерно то, что покупали вещи, не руководствуясь их качеством и необходимостью, а доставали их в целях создания престижа, особого имиджа (стали покупать самые дорогие машины, отдыхать „на Канарах“ и т.п.). Соответственно, появилась особая речь – язык новых русских, в котором латентная функция выступала на первый план. Можно выделить и другие функции, напр., функции и дисфункции [Мертон, 1957]. Под функциями подразумеваются последствия, которые способствуют адаптации системы, а под дисфункциями, последствия, которые уменьшают адаптацию системы (имеются в виду негативные последствия воздействия одной части системы на другую).

13. Социоцентрическая функция русского языка имела различный характер в XX столетии. В качестве средств ее проявления выступали особые типы речи – лекты, а именно микролекты (речь людей, стоящих в очереди, – пассажиров в поезде, – больных, лежащих в одной палате, – членов одной и той же компании, спортивной команды, туристской группы и т.п.), макролекты (язык этноса, народа, народности, нации и т.д.) и паралекты (средство общения человека, напр., с кибернетическими механизмами, с животными, инопланетянами и т.п.).

14. Одна из макроцентрических функций русского языка имела важную позицию в XX веке – это национальная функция. Она выступала в различных корреляционных разновидностях. Интракорреляционную функцию русский язык выполнял, когда общались лица, принадлежащие к русской нации. Интеркорреляционную функцию язык реализовал в случаях, когда говорили на русском языке лица, принадлежащие к различным национальностям (напр., когда русский язык выступал как средство общения русских и иностранцев). Экстракорреляционная функция возникала тогда, когда русский язык использовали говорящие, принадлежащие к разным нациям и говорящие на русском как неродном языке, (напр., в контакте двух иностранцев). Паракорреляционная функция появлялась в случаях, когда русский язык был средством общения носителей гетерогенного генетического и коммуникативного кода (скажем, людей и животных, инопланетян и т.п.).

15. Категориальные доминанты. В русском языке существует большое количество различных категорий (фонетико-фонологических, лексико-семантических, словообразовательных, морфологических, синтаксических, текстуальных). Каждая из них имеет определенную позицию в определенном периоде развития. Выявление категориальных доминант требует более широкого исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристотель. Сочинения в четырех томах. – Москва: Мысль. – Т. 1: 550 с. – Т. 2: 687 с. – Т. 3: 613 с. – Т. 4: 830 с.
Вежбицкая А. Прототипы и инварианты / Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – Москва: Русские словари, 1996. – С. 201-230.
Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – Москва: Языки русской культуры. – 780 с.
Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. – Москва: Изд-во Московского университета. – 149 с.
Засорина Л. Н. Частотный словарь русского языка. – Москва: Русский язык, 1977.
Кубрякова Е., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – Москва: Филологический факультет МГУ. – 245 с.
Кузнецова Э.В. Метод ступенчатой идентификации в описании лексико-семантических групп слов // Проблемы моделирования языка. 3.2. – Ученые записки Тартуского государственного ун-та. – Тарту. – Вып. 228. – С. 85-92.
Мертон Р.К. Явные и латентные функции // Информационный бюллетень, серия переводы, рефераты: Структурно-функциональный анализ в современной социологии. – Москва: Научный совет АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований, 1968. – 6.
Мельчук И.А. Опыт теории лингвистической модели „Смысл - текст“. – Москва: Школа „Языки русской культуры“, Серия Язык, семиотика, культура. 1999. – I-XXII. – 346 с.
Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – Москва: Азъ Ltd., 1993. – 960 с.

Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Скляревской Г. Н. – Санкт-Петербург: Ин-т лингвистических исследований, Изд-во „Фолио-Пресс“, 1998. – 700 с.

Тошович Бранко. Русский язык в XX столетии. // Słowo z perspektywy językoznawcy i tłumacza. Gracsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gracskiego. – S. 152-165.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. В 3-х т. Москва: Вече, Мир книги. – Т. 1: 704 с. – Т. 2: 688 с. – Т. 3: 672 с.

PC-Bibliothek. – Mannheim – Berlin – München: Bibliographisches Institut – F. A. Brockhaus AG – Langenscheidt.

П. Филкова (Болгария)

ДИАХРОНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Изучение исключительно сложной и многомерной картины мира и ее не менее сложного отражения и выражения в языковой картине мира приводит на современном этапе к всеобщему убеждению, что такое изучение не может быть полноценным без всестороннего анализа и комплексного подхода. Это обусловило возрастающий интерес к взаимодействию различных феноменов и конкретного языка и социума, языка и этноса, языка и культуры и т. д., а также формирование таких смежных наук и научных направлений, как социалингвистика, психолингвистика, этнолингвистика, лингвострановедение, межкультурная коммуникация, мир изучаемого языка, лингвокультуралогия, сравнительная лингвокультуралогия.

Рассмотрение диахронических аспектов лингвокультуралогии предполагает предварительное обсуждение и уточнение некоторых существенных проблем, которые остаются до сих пор дискуссионными. Это относится к вопросу о статусе лингвокультуралогии, о месте лингвокультуралогии в кругу дисциплин, изучающих тоже взаимодействие языка и культуры, об ее понятийном аппарате, об единицах описания, о соотносительности с диахронией и др.

1. О статусе лингвокультуралогии и ее месте среди смежных дисциплин и научных направлений

За лингвокультуралогией в трудах некоторых исследователей, напр. В. А. Масловой [Маслова, 1997], В. В. Воробьева [Воробьев, 1999], Л. Н. Мурзина [Мурзин, 1996], В. Н. Телия [Телия, 1999], признается статус самостоятельной филологической дисциплины и области знаний и научных исследований. “Лингвокультуралогия, – отмечает В. В. Воробьев, – новая филологическая дисциплина” [Воробьев, 1999, с. 97]. “Лингвокультуралогия, – пишет Маслова, – это наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке” [Маслова, 1997, с. 8].

У других лингвистов выделение лингвокультуралогии как филологической дисциплины и научного направления вызывает сомнения. В.В. Колесов подчеркивает, что такие дисциплины, как лингвокультуралогия, лингвострановедение, культурная антропология и другие подобные “представляют собой сугубо национальную форму проявления одного и того же” [Колесов, 2000, с. 41]. Ю.Е. Прохоров считает, что лингвострановедение занимается изучением национальной-культурной специфики и организации содержания речевого общения, поэтому он не видит “принципиальных отличий, которые требуют введения термина “лингвокультуралогия”...” [Прохоров, 2000, с. 39].

Определение статуса лингвокультуралогии и ее места среди таких подобных смежных наук и направлений, как этнолингвистика, лингвострановедение, культурная антропология, мир изучаемого языка осложняется прежде всего из-за общности объекта исследования и изучения. Этнолингвистику, например, определяют как “направление в языкознании, изучающее язык в его отношении к культуре” [Кузнецов, 1990, с. 597]. Подобным образом характеризуют и лингвострановедение: “Это такая организация изучения русского языка, благодаря которой изучающие русский язык знакомятся с национальной культурой русского народа через посредство языка” [Верещагин, Костомаров, 1990, с. 7]. Приблизительно так формулированы и задачи лингвокультуралогии: “В задачи лингвокультуралогии входит изучение и описание взаимоотношений языка и культуры” [Воркачев, 2001, с. 64]. На факультете иностранных языков МГУ ввели в научную и преподавательскую практику предмет, который назван “Мир изучаемого языка”. По этому поводу С.Г. Тер-Минасова отмечает: “Мы ввели этот предмет, потому что обнаружили, что изучение языков в коммуникативном плане невозможно без социокультурного компонента” [Минасова, 2000, с.39].

Нет сомнения, что общность объекта исследования и изучения указанных дисциплин и направлений предопределяет известное дублирование проблематики и задач, приводит к некоторой недифференцированности понятийного аппарата, в определенных случаях обуславливает терминологический разнобой или создает впечатление избыточности отдельных дисциплин. “Социалингвистика, лингвострановедение, мир изучаемого языка, лингвокультуралогия – получается какой-то круг. И мы как бы с лингвокультуралогии возвращаемся опять к лингвострановедению” [Минасова, 2000, с. 40].

Очевидно, необходим более дифференцированный подход к определению объекта исследования указанных дисциплин и научных направлений, которые могут быть разграничены в известной степени и могли бы правомерно существовать. Можно предложить один из возможных подходов подобного разграничения.

Изучение взаимодействия языка и культуры в этнолингвистике, например, можно было бы сосредоточить в рамках материальной культуры, быта, нравов, обычаев этноса, народа, создателя и носителя языка; в культурной антропологии – в сферах биологической и психической природы народа, его менталитета, его речевого поведения; в лингвострановедении – в пределах природы, географии, истории, государственного устройства, экономики страны; в лингвокультуралогии – в границах духовной

Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Скляревской Г. Н. – Санкт-Петербург: Ин-т лингвистических исследований, Изд-во „Фолио-Пресс“, 1998. – 700 с.

Тошович Бранко. Русский язык в XX столетии. // Słowo z perspektywy języczkoznawcy i tłumacza. Graack: Wydawnictwo Uniwersytetu Grackiego. – S. 152-165.

Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. В 3-х т. Москва: Вече, Мир книги. – Т. 1: 704 с. – Т. 2: 688 с. – Т. 3: 672 с.

РС-Bibliothek. – Mannheim – Berlin – München: Bibliographisches Institut – F. A. Brockhaus AG – Langenscheidt.

П. Филкова (Болгария)

ДИАХРОНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Изучение исключительно сложной и многомерной картины мира и ее не менее сложного отражения и выражения в языковой картине мира приводит на современном этапе к всеобщему убеждению, что такое изучение не может быть полноценным без всестороннего анализа и комплексного подхода. Это обусловило возрастающий интерес к взаимодействию различных феноменов и конкретного языка и социума, языка и этноса, языка и культуры и т. д., а также формирование таких смежных наук и научных направлений, как социолингвистика, психолингвистика, этнолингвистика, лингвострановедение, межкультурная коммуникация, мир изучаемого языка, лингвокультурология, сравнительная лингвокультурология.

Рассмотрение диахронических аспектов лингвокультурологии предполагает предварительное обсуждение и уточнение некоторых существенных проблем, которые остаются до сих пор дискуссионными. Это относится к вопросу о статусе лингвокультурологии, о месте лингвокультурологии в кругу дисциплин, изучающих тоже взаимодействие языка и культуры, об ее понятийном аппарате, об единицах описания, о соотносительности с диахронией и др.

1. О статусе лингвокультурологии и ее месте среди смежных дисциплин и научных направлений

За лингвокультурологией в трудах некоторых исследователей, напр. В. А. Масловой [Маслова, 1997], В. В. Воробьева [Воробьев, 1999], Л. Н. Мурзина [Мурзин, 1996], В. Н. Телия [Телия, 1999], признается статус самостоятельной филологической дисциплины и области знаний и научных исследований. “Лингвокультурология, – отмечает В. В. Воробьев, – новая филологическая дисциплина” [Воробьев, 1999, с. 97]. “Лингвокультурология, – пишет Маслова, – это наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке” [Маслова, 1997, с. 8].

У других лингвистов выделение лингвокультурологии как филологической дисциплины и научного направления вызывает сомнения. В. В. Колесов подчеркивает, что такие дисциплины, как лингвокультурология, лингвострановедение, культурная антропология и другие подобные “представляют собой сугубо национальную форму проявления одного и того же” [Колесов, 2000, с. 41]. Ю. Е. Прохоров считает, что лингвострановедение занимается изучением национально-культурной специфики и организации содержания речевого общения, поэтому он не видит “принципиальных отличий, которые требуют введения термина “лингвокультурология”...” [Прохоров, 2000, с. 39].

Определение статуса **лингвокультурологии** и ее места среди таких подобных смежных наук и направлений, как **этнолингвистика**, **лингвострановедение**, **культурная антропология**, мир изучаемого языка осложняется прежде всего из-за общности объекта исследования и изучения. **Этнолингвистику**, например, определяют как “направление в языкознании, изучающее язык в его отношении к культуре” [Кузнецов, 1990, с. 597]. Подобным образом характеризуют и **лингвострановедение**: “Это такая организация изучения русского языка, благодаря которой изучающие русский язык знакомятся с национальной культурой русского народа через посредство языка” [Верещагин, Костомаров, 1990, с. 7]. Приблизительно так формулированы и задачи **лингвокультурологии**: “В задачи лингвокультурологии входит изучение и описание взаимоотношений языка и культуры” [Воркачев, 2001, с. 64]. На факультете иностранных языков МГУ ввели в научную и преподавательскую практику предмет, который назван “Мир изучаемого языка”. По этому поводу С. Г. Тер-Минасова отмечает: “Мы ввели этот предмет, потому что обнаружили, что изучение языков в коммуникативном плане невозможно без социокультурного компонента” [Минасова, 2000, с. 39].

Нет сомнения, что общность объекта исследования и изучения указанных дисциплин и направлений предопределяет известное дублирование проблематики и задач, приводит к некоторой недифференцированности понятийного аппарата, в определенных случаях обуславливает терминологический разнобой или создает впечатление избыточности отдельных дисциплин. “Социолингвистика, лингвострановедение, мир изучаемого языка, лингвокультурология – получается какой-то круг. И мы как бы с лингвокультурологии возвращаемся опять к лингвострановедению” [Минасова, 2000, с. 40].

Очевидно, необходим более дифференцированный подход к определению объекта исследования указанных дисциплин и научных направлений, которые могут быть разграничны в известной степени и могли бы правомерно существовать. Можно предложить один из возможных подходов подобного разграничения.

Изучение взаимодействия языка и культуры в **этнолингвистике**, например, можно было бы сосредоточить в рамках материальной культуры, быта, нравов, обычаев этноса, народа, создателя и носителя языка; в **культурной антропологии** – в сферах биологической и психической природы народа, его менталитета, его речевого поведения; в **лингвострановедении** – в пределах природы, географии, истории, государственного устройства, экономики страны; в **лингвокультурологии** – в границах духовной